

und *aga* 'aber', *et*- 'даß' Nebensätze anstatt der direkten Rede usw. All das mutet heute im schriftlichen Text als Abweichung vom Normalen an. In modernen Bibelübersetzungen — so behauptet Hennoste — werden solche Abweichungen vom schriftlichen Standard, die für Fehler gehalten werden könnten, vermieden, während andere, die den Stil des Bibeltextes gestalten, bewahrt bleiben. (Kaum gilt das aber für die meisten Fälle. Z. B. kann doch nicht vermutet werden, daß jemand den traditionellen Beginn des Lucae 2 «*Aga see sündis neil päevil...*» 'Es begab sich aber zu der Zeit...' für fehlerhaft hielt; seit der Übersetzung Pölds 1935 heißt es trotzdem «*Neil päevil sündis...*». Eher ist bei den neueren Übersetzern eine Überanstrengung beim Abschaffen von tatsächlichen und vermeintlichen Altertümlichkeiten zu notieren.)

Heli Laanekask (Universität Tartu, «Die Geschichte einer Neuausgabe des Neuen Testaments») trug ihre Abhandlung über den Werdegang der Ausgabe des dörptestnischen Neuen Testaments aus dem Jahre 1821 vor. Die Abhandlung be-

ruht auf skrupulöser Archivarbeit und enthält eine Unmenge Einzelheiten von den Verhältnissen der damaligen Sprachkenner und Kirchenbeamten. Besonders Otto Wilhelm Masing spielte in den Auseinandersetzungen über die Ausgabe eine einflußreiche Rolle, die die Autorin des Vortrags jedoch nicht gutheißt: Das Neue Testament wurde ohne Verbesserungen gedruckt und die Einfrierung des früheren Textes beschleunigte das Aussterben der dörptestnischen Schriftsprache.

Den letzten Vortrag hielt Prof. Osmo Ikola (Universität Turku) zum Thema «Aus der Geschichte der finnischen Bibelübersetzung». Das war eine auf voller Sachkenntnis beruhende Übersicht. Dem Zuhörenden fiel auf, daß die geläufige Übersetzung, die vor nur 51 Jahren von der Kirchenversammlung bestätigt wurde, schon als veraltet eingeschätzt wird. Der jetzige Bibelausschuß will alle Altertümlichkeit vermeiden und den faktischen und emotionalen Inhalt des Urtextes in einer «klaren, natürlichen und modernen» Sprache vermitteln.

HENN SAARI (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.21>

SYMPOSIUM ESTICUM II

Состоявшаяся 13 октября 1989 года в Институте языка и литературы Академии наук Эстонии конференция «*Anton Thor Helle ja väikerahva keel*» (Антон Тор Хелле и язык малого народа) была посвящена актуальным проблемам национальной и языковой политики и 250-летию публикации Библии на эстонском языке. Конференцию организует Институт языка и литературы АН Эстонии и Общество родного языка. Первая такая конференция состоялась осенью 1988 г. и была посвящена проблемам эстонского языка.

На утреннем заседании речь шла о языковой политике в более общем плане. М. Раннут (Таллинн) отметил в докладе «*Keelelisest diskrimineerimisest*» (О языковой дискриминации), что в настоящее время одна из наиболее распространенных в мире форм дискриминации — языковая, лингвизм и этницизм. С помощью насилия или соответственной направленности потока информации устра-

няются народы и языки. Имеется целая совокупность идеологий и структур, которая используется в интересах несправедливого распределения ресурсов по языковым признакам. В результате выживают только самые сильные. Для маскировки этого лингвистического дарвинизма используются различные эвфемизмы (например, интеграция вместо ассимиляции), причем этническая интеграция практически является одной из форм расизма. Ее запрещает харта ООН. Однако, с другой стороны, международные пакты не дают оснований для обращения в суд. М. Раннут обратил внимание на тот факт, что расизм существует не только в сознании, он не исчезнет, пока не удастся преобразить общество. Так, после принятия Закона о языке Эстонской ССР дискриминация эстонцев в общественных структурах сохранилась, закон же пытаются искоренить ее лишь из сознания людей. В Советском Союзе в целом дискриминация людей по языковому признаку

продолжается: обучение ведется только на 40 языках (да и на многих из них в очень ограниченном объеме), постоянно сокращается количество школ с нерусским языком обучения, преподавание на некоторых языках вообще запрещено (например, в Сибири на эстонском языке), расширяется диглоссия, малые языки последовательно вытесняются из употребления. М. Раннут привел возмутительный факт: в разработке языковых прав человека при ЮНЕСКО Советский Союз представляет М. Губогло, известный как активный пропагандист ассимиляции. Докладчик отметил, что хотя просмотренный в апреле 1989 года проект соответствующего закона и содержал положение о том, что ребенок не обязан знать иностранные языки и что это право не распространяется на другие поколения, в проекте отсутствует известное по Декларации прав человека требование: каждый народ имеет право на сохранение своих языка и культуры; тем самым проект не способствует повышению статуса малых языков. Не записано и право пользоваться родным языком в суде. Такой закон предоставит слишком большие права мигрантам, в том числе и экономические (например, право изучать язык бесплатно). М. Раннут критиковал и деятельность созданной после принятия Закона о языке ЭССР комиссии по охране языка, поскольку комиссия собирается редко и на ее заседаниях не обсуждаются такие вопросы, как уменьшение дискриминации эстонцев в Эстонии и повышение статуса эстонского языка.

М. Хинт (Таллинн) прочел доклад «Eesti grammatika venestumistendentse» (Тенденции русификации эстонской грамматики). Во вступлении он обратился к языковой политике. Теперь уже речь ведется не о двуязычии, а о едином государственном языке СССР, призванном якобы обеспечить равноправное и свободное развитие всех языков (что в действительности ведет лишь к легализации ассимиляции). Вторым тактическим приемом служит разговор о правах человека, при этом остаются вне внимания права нации. Третий прием — «теория союза языков СССР» — должен гарантировать фонетическую и морфологическую изоморфность всех языков, их быстрое взаи-

мообогащение. Как образно высказался М. Хинт, три указанных положения представляют собой три циничные лошади в упряжке языковой политики Советского Союза. С ее помощью делается попытка осуществить более мягкую форму ассимиляции, за которой последовала бы быстрая полная ассимиляция. М. Хинт показал, что русский язык оказывает и на эстонский сверхмощное давление. В Таллинском педагогическом институте создана соответствующая исследовательская группа. Более обстоятельно М. Хинт анализировал чрезмерное употребление в эстонском языке возвратных глаголов на *-и*. В языке Библии 1739 г. таковые почти отсутствовали, немного их и в словаре Видемана, в литературном языке таких глаголов было мало до начала XX века. Сейчас в картотеке исследовательской группы насчитывается более 100 глаголов, которые в эстонских словарях не встречаются. Благодаря употреблению возвратных глаголов на *-и* меняется структура предложения: объект активного по содержанию предложения превращается в субъект пассивного по содержанию предложения, например, *maja ehitatakse* → **maja ehitub* (такое неестественное предложение в эстонском языке еще не фиксировалось, однако докладчик предсказал, что в свете рассматриваемой тенденции в ближайшем будущем оно возможно). Если что-то меняется в глаголе, в его употреблении, тотчас же меняются и синтаксис, и семантика. Предложение с возвратным глаголом на *-и* практически выражает пассивность, все происходит как бы само собой, хотя формально действитель, субъект имеется. Такой способ выражения никогда не был присущ ни эстонскому языку, ни эстонскому образу мышления. С другой стороны, излишества в употреблении возвратных глаголов на *-и* ведут к унифицированию и обеднению формальных средств языка (хотя «теория союза языков СССР» и декларирует обогащение), утрачивается использование других деривационных суффиксов и некоторых глаголов. М. Хинт отметил, что хотя такой процесс может показаться вполне безопасным (и слова, и деривационные средства эстонские), дело в действительности весьма серьезно, потому что в отличие от употребления русских слов, по поводу ко-

торых говорящий определенно знает, что он имеет дело с чужим элементом, в случае грамматического уподобления рядовой носитель языка ничего не замечает, происходит как бы добровольная русификация. С употреблением возвратных глаголов на *-и* эстонский язык скоро минует ступень формальной возвратности русского языка, тем самым эстонцы будут иметь русский язык с эстонскими словами. В ходе последовавшего обсуждения как М. Хинт, так и другие выступавшие приводили и другие примеры влияния грамматики русского языка в эстонском языке (употребление множественного числа по индоевропейской модели, изменения в использовании местоимения, употребление аспекта и упрощение правил объекта (прямого дополнения), употребление имперфекта вместо перфекта и плюсквамперфекта).

Темой доклада юриста Х. Линдпере (Таллинн) была «Rahvaste enesemääramisõigus: keel ja kultuur» (Право народов на самоопределение: язык и культура). Он сказал, что лишь когда международное право станет первичным по сравнению с внутригосударственным, будет обеспечена реализация права на самоопределение. В то же время право на самоопределение, т. е. право всех народов решать свою судьбу на своей исконной территории без военного, политического, экономического или какого-либо иного принуждения со стороны, не зависит ни от чего, обойти его невозможно и путем межгосударственного договора. Тем самым статья Хельсинкского заключительного пакта о нерушимости границ противоречит праву наций на самоопределение как праву высшего плана. Докладчик отметил, что применение права наций на самоопределение, однако, дело не простое, многое зависит при этом от великих держав, например, Советский Союз на словах признал его, на практике же оно часто нарушалось, например, события 1939 и 1940 годов и последовавшее за этим в Эстонии (а также в Латвии, Литве, Молдавии) представляют собой грубое нарушение международного права со стороны Советского Союза; принимать решение о государственном статусе и судьбе Эстонии — исключительное право коренного народа Эстонии.

А. Ээк (Таллинн) начал свой доклад «Inimõigused, rahvusõigused ja keelesa-

lus» (Права человека, права нации и закон о языке) с вопросов: «Кем является эстонец?» и «Что такое Эстония?». Представляем ли мы собой национальное меньшинство в унитарном государстве, доминантную нацию в оккупированной колониальной стране или национальное меньшинство на оккупированной исконной территории? А. Ээк подчеркнул, что отсутствие ясных ответов на эти вопросы используют в Эстонии сторонники Интердвижения, которые обвиняют Закон о языке ЭССР в нарушении прав человека, хотя в Декларации о правах человека нет таких положений, которым противоречил бы этот закон. Практически Интердвижение толкует права человека как права нации, что, к сожалению, часто делается и за рубежом. А. Ээк предлагает исходить из того, что доказуемо, т. е. из оккупации 1940 г., из того факта, что мы — бывшее самостоятельное государство, которое в настоящее время представляет собой колонию оккупировавшего государства (учитывая экономические данные, способы экономического управления, у Эстонии можно установить все признаки колонии). А. Ээк констатировал, что право наций на самоопределение в мире к настоящему времени превратилось в пустой лозунг, поскольку документы международного права содержат так много противоречий (например, в Хельсинкском заключительном документе, где в одном пункте допускается мирное и по взаимному соглашению изменение государственных границ, в следующем же объявляется неизменность границ) и общих фраз, что позволяют вводить в заблуждение, относить декларируемое при необходимости не к той нации, о которой идет речь. Он пришел к выводу, что Эстония может опираться на декларацию ООН о предоставлении независимости колониальным странам, как наиболее последовательную по смыслу. Согласно ей эстонцы как колониально подчиненная нация имеют право на цельность своей национальной территории, скорейшее прекращение колониализма, право на самоопределение в вопросах политического статуса, экономического, социального и культурного развития, причем уровень экономического развития не может служить причиной задержки с предоставлением независимости, при этом не

допустимы военное вмешательство или репрессии, следует дать возможность достичь независимости мирным путем, другие государства обязаны признать независимость и территориальную целостность, причем все сказанное действительно и в том случае, если коренная народность на своей исконной территории осталась в меньшинстве, право голоса имеет лишь коренная народность.

А. Эк проанализировал общую декларацию ООН о правах человека, документы ООН об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах, декларацию о предоставлении независимости колониальным странам, заключительные документы, принятые в Хельсинки и в Вене, проект общей декларации Международной федерации преподавания живых языков и харту региональных и малочисленных народов Европейского Экономического Сообщества с точки зрения наличия в Законе о языке ЭССР таких моментов, которые противоречили бы этим документам, и доказал, что эстонский закон о языке полностью соответствует им, местами даже превышая их требования. Единственное противоречие с Венским заключительным документом проявляется в связи с его требованием создать условия, которые способствовали бы возвращению приезжих рабочих в свои исконные земли, Закон о языке Эстонской ССР соответствующих мер не предвидит.

Э. Паюмаа (Таллинн) в докладе «*Keelseadus ja alvide mõistmatus*» (Закон о языке и непонятливость спесивых) говорила о демагогических приемах и утверждениях, используемых против Закона о языке ЭССР, и об опасности, которая грозит эстонскому языку в связи с намерением принять всесоюзный закон о языке. Она предложила в ближайшее время провести в Институте языка и литературы Академии наук Эстонии международную конференцию по вопросам языковой политики.

На вечернем заседании рассматривались в основном проблемы малых народов и национальных меньшинств.

Т. Хенносте (Тарту) в докладе «*Poolkirjalik kultuur e. kuidas A. T. Helle päästis eestlased*» (Полуписьменная культура, или как А. Т. Хелле эстонцев спас) анализировал роль перевода Библии в раз-

витии эстонской нации, языка и культуры. Он исходил из формулы: язык + вера = культура, которая содержит по меньшей мере два кода, компонента, между которыми в интересах сохранения языка, культуры должен происходить диалог, его нарушение ведет к разрушению культуры, утрате языка.

Далее докладчик рассмотрел состояние языка и культуры у эстонцев до осуществления перевода Библии. В XIII веке у эстонцев возникла полухристианская крестьянская культура, старое было сплавлено с новым. В XVII веке эта структура начала разрушаться, лютеранство истребляло зачатки народного вероисповедания гораздо активнее, чем католичество. Произошли изменения и с языком — старозэстонский сменился новозэстонским, сакральный же язык (фольклора и религии) сохранил старую форму, повседневный язык обогнал его, официальным языком служил немецкий. Положение осложнили войны, доведшие эстонцев до грани вымирания. После северной войны эстонцы все больше превращались в представителей единого слоя — крепостных, образование на родном языке было прекращено, росла этническая гетерогенность, сокращалась численность народа, внезапно прервалась связь поколений. Т. Хенносте утверждает, что этот кризис разрешил перевод Библии в 1739 г. Антоном Тором Хелле, а также издание иных церковных книг и возобновление школьного образования. В то же время Библия на эстонском языке предотвратила окончательно сближение эстонскоязычных нижних слоев и немецкоязычных верхних слоев, с того времени прибалтийско-немецкая и эстонская культуры развивались врозь. Началось превращение эстонцев в европейцев. До Библии у эстонцев была устная культура; привнесенная в Эстонию немцами полуписьменная культура действовала в отношении эстонцев односторонне, они лишь воспринимали ее. В гернгутерских общинах эстонцы начали и сами писать, родилась полноценная эстонская полуписьменная культура, которая в дальнейшем развилась в письменную культуру. Т. Хенносте обратил внимание на парадокс: хотя Библия представляет групповую культуру, у эстонцев она стала фактором развития индивидуальной культуры, спо-

собствовала замене старой групповой культуры.

В своем очень интересном докладе Т. Хенносте обошел одну из граней этой проблемы — перевод Библии только на северэстонский литературный язык послужил толчком к вытеснению южноэстонского литературного языка и происходящему в наше время отмиранию южноэстонских диалектов.

Л. Ваба (Таллинн) в докладе «Eesti vähemused Lätis» (Эстонские меньшинства в Латвии) между прочим рассказал о формировании эстонско-латышской этнической границы, утрате эстонских языковых островков в Латвии, возобновлении общественной деятельности эстонцев Латвии в Риге и Алуksне. Сейчас в Латвии проживает 3312 эстонцев.

Р. Рааг (Упсала) свой доклад «Rootsi eestlased vähemusrahvusena» (Шведские эстонцы как национальное меньшинство) посвятил положению и деятельности эстонцев, попавших в Швецию во время второй мировой войны. По его скромным подсчетам, в Швеции сейчас проживают 20 000 говорящих по-эстонски. До 1977 г. в языковой политике Швеции преобладало ассимилирующее направление, после чего произошел полный поворот, каждый ребенок теперь имеет право на обучение родному языку по 2—4 часа в неделю, доминирует т. н. домашнее изучение языка. Поскольку в Швеции в настоящее время живут представители 166 народностей, ощущается нехватка учителей. Эстонцы Швеции в своих центрах располагают довольно сильными школами, домашнее изучение языка ведется главным образом там, где мало эстонцев. Р. Рааг проанализировал особенности эстонского языка в Швеции и призвал соотечественников в Эстонии признать этот язык как особую форму (диалект?) эстонского языка, чтобы предотвратить развитие у шведских эстонцев чувства неполноценности из-за того, что они говорят по-эстонски с ошибками.

Э. Юхам (Таллинн) в докладе «Eestirootslased» (Шведы Эстонии) рассказала об их истории и языке. До второй мировой войны в Эстонии проживало более 8000 шведов, к настоящему времени их насчитывается около 350. Действует Культурное общество шведов Эстонии. О шведах в Эстонии имеются

сведения по крайней мере начиная с 1271 г. Большинство хийумааских шведов в 1781 г. было выселено на Украину (оттуда большая часть в 1929 г. переехала в Швецию), во время второй мировой войны около 7000 шведов Эстонии отправилось в Швецию, где к настоящему времени они ассимилировались и не отличаются от коренных шведов.

А. Кяхрик (Таллинн) в докладе «Vepselased täna» (Вепсы сегодня) отметила, что число вепсов постоянно росло до 1939 г., затем оно начало резко снижаться. Основные проблемы вепсов — административная раздробленность между Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областями, слабость национального самосознания, отсутствие литературного языка, политика русификации, осуществляемая руководящими органами Ленинградской и Вологодской областей, фальсификация данных переписей населения, урбанизация. Сейчас делается попытка создать вепсский литературный язык на базе латинского шрифта, хотя она и встретила в некоторых кругах сопротивление.

М. Саарв (Таллинн) отметила в докладе «Saami kultuuri arenguhooni suurriikliku kultuuripoliitika taustal» (Об особенностях развития саамской культуры на фоне великодержавной культурной политики), что вся история саамов — это история колонизации и подавления языка и народа. К настоящему времени, правда, оживилась общественная деятельность самих саамов, литературные языки на том или ином уровне у саамов имеются как в Норвегии, Швеции, Финляндии, так и в Советском Союзе, но правовое положение саамов не нашло еще необходимого решения, ни в одном из государств не принят во внимание тот факт, что саамы на своей исконной территории являются коренной народностью.

М. Мери (Таллинн) озаглавил свой доклад «Hantide hiilgus ja viletsus» (Блеск и нищета хантов) и посвятил его постигшим хантыйский народ трудностям в связи с интенсивной эксплуатацией нефтяных и газовых ресурсов начиная со второй половины 60-х годов (газопроводы наносят вред оленеводству, нефтяники охотятся на оленей, используя автомобили и вертолеты, из-за загрязнения вод и вырубки лесов пропадают рыба и зве-

ри, тем самым уничтожаются источники жизни для хантов). М. Мери отметил, что у нас, конечно, нет права вторгаться в решение проблем хантов, но, может быть, некоторым шагом вперед стало бы создание для них некоего резервата. Он рассказал, как в ходе традиционного хантвского праздника, медвежьих поминок,

со дня на день росло национальное самосознание и у урбанизированных хантов, тем самым надежда окончательно еще не утрачена.

Конференция была очень интересной, будем надеяться, что затронутые проблемы найдут и более широкое обсуждение.

ВЯИНО КЛАУС (Таллинн)

DIE GRÜNDUNG EINES INTERNATIONALEN INFORMATIONSSYSTEMS FÜR URALISTIK

In Anbetracht der heutigen Informationsfülle ist es für alle Wissenschaftler ziemlich schwer, sich über die in der ganzen Welt erscheinende Fachliteratur auf dem laufenden zu halten. Auch Sprachwissenschaftler müssen mehr und mehr Zeit aufwenden, um die benötigte Information für die Orientierung im eigenen Fachgebiet zu finden.

Im August 1989 veranstaltete die Universitätsbibliothek Helsinki eine internationale Beratung, in deren Mittelpunkt Möglichkeiten der Erleichterung der Informationssuche und des -austausches in der Uralistik mittels moderner Computertechnik standen. Es wurde der Beschluß gefaßt, ein internationales Informationssystem ins Leben zu rufen, dessen Grundlage eine bibliographische Datenbank der linguistischen Literatur (wahlweise auch aus Nachbargebieten) darstellt. Bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt standen den Forschern umfangreiche bibliographische Werke wie die in Göttingen zusammengestellte «Bibliographie der uralischen Sprachwissenschaft 1830—1970» und die Reihe des Instituts für Sprache und Literatur der Estnischen Akademie der Wissenschaften «Bibliographia Uralica» (1918—1984) zur Verfügung. In Verwirklichung des finnisch-sowjetischen Gemeinschaftsprojekts «Bibliographia Studiorum Uralicorum 1917—1987», wird neben dem Druckwerk auch eine konvertierbare Datenbank geschaffen. Damit ist für das neue Projekt grundlegendes Material vorhanden, und sein Ziel soll die fortlaufende Erfassung von Neuerscheinungen auf dem Gebiet der uralischen Sprachwissenschaft sein. Je nach Möglichkeiten wird die Datenbank retrospektiv vervollständigt.

Zur Vorbereitung dieses Unternehmens

wurde eine Arbeitsgruppe gebildet, der Vertreter aus Finnland, Ungarn und der Sowjetunion angehören. Vom 9. bis 11. April 1990 traf man sich in Ungarn in der Universität Pécs, um konkrete Arbeitspläne zu erörtern. An der Beratung beteiligten sich Marianne Sz. Bakró-Nagy und Sándor Csúcs vom Sprachwissenschaftlichen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Mihály Füredi von der Bibliothek der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, János Pusztay von der Universität Pécs, Anu-Reet Hausenberg vom Institut für Sprache und Literatur der Estnischen Akademie der Wissenschaften sowie Prof. Esko Häkli und Irja-Leena Suhonen von der Universitätsbibliothek Helsinki.

Gegenstand dieser Beratung waren die Organisation des Datensammelns sowie inhaltliche und technische Probleme der Aufstellung der Datenbank. Das Ziel besteht darin, drei adäquate Datenbanken in Finnland, Estland und Ungarn zu schaffen. In jedem Land werden die Arbeiten der eigenen Verfasser im In- und Ausland sowie die landeseigene wissenschaftliche Produktion — unabhängig von der Nationalität der Autoren — erfaßt. Die Arbeit wird in drei Zentren und den «Subzentren», die aus organisatorischen Gründen den drei Zentren untergeordnet sind, durchgeführt. Den Zentren wurden die übrigen Länder wie folgt zugeordnet:

- Finnland: Norwegen, Schweden, Dänemark, Großbritannien, Spanien, Portugal, Italien, Frankreich;
- Ungarn: das deutschsprachige Gebiet, Benelux-Länder, Polen, Tschechoslowakei, Jugoslawien, Rumänien, Bulgarien, Albanien, Türkei, Kanada, USA, Japan, Korea, China, Vietnam, Indien, Australien;